
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE MEASURES OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343.91

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(3).465-476

ЛИДЕР ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА И ОСНОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПОСТМОДЕРН В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В.Н. Бурлаков., В.Ф. Щепельков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

13 марта 2019 г.

Дата принятия в печать

7 июня 2019 г.

Дата онлайн-размещения

4 июля 2019 г.

Ключевые слова

Лидер преступного сообщества; вор в законе; основание криминализации статуса преступника; формы (фазы) развития организованной преступности; занятие высшего положения; преступная иерархия; личность субъекта преступления

Аннотация. Преступность во всем мире становится все более организованной. Глобализация существенно раздвинула территорию ее преступной деятельности, и ей стало тесно в национальных границах одного государства. Лидеры организованной преступности свободно перемещаются по миру, решая вопросы взаимодействия своих преступных сообществ далеко не всегда по месту их криминальной локации. Сегодня преступные сообщества отошли от типичной уголовной практики. Их основной деятельностью становится бизнес, который способствует организованности криминала в сфере не только теневой, но и легальной экономики. Поэтому острота борьбы должно быть нацелено на лидеров организованной преступности. С этих позиций дается теоретическое обоснование введения в уголовное право России ст. 210.1 — занятие высшего положения в преступной иерархии. Анализируется юридическая конструкция состава этого преступления, который по своей сути является усеченным. Оценивается основание для криминализации собственно занятия высшего положения в преступной иерархии. Обоснован вывод, что такой статус лидера преступного сообщества возможен на высокой стадии развития организованной преступности, и поэтому форма организации преступности может служить критерием для констатации такого статуса. Рассмотрены некоторые проблемы правоприменения ст. 210.1 УК РФ и предложены варианты их решения, в частности о совокупности ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК, об особенности исполнения наказания в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ.

CRIME BOSS AND THE GROUNDS FOR LIABILITY: POSTMODERNISM IN CRIMINAL LAW

Vladimir N. Burlakov, Vladislav F. Shchepelkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2019 March 13

Accepted

2019 June 7

Available online

2019 July 4

Keywords

Crime boss; «thief in law»; grounds for criminalizing the status of the offender; forms (phases) of the development of organized crime; occupying the highest position; criminal hierarchy; the personality of the subject of crime

Abstract. All over the world crime is becoming more and more organized. Globalization has considerably extended the area of criminal activities, it can no longer be contained within the national boundaries of one state. Crime bosses freely travel between countries and may solve the problems of their gangs' cooperation far from the place where the criminal activity takes place. The gangs today have moved away from typical criminal practices. Business is becoming their key activity as it facilitates the organization of criminal groups not only in the shadow, but also in the legal economy. Thus, the main focus of crime counteraction should be the bosses of organized crime. Based on this position, the authors provide a theoretical basis for the introduction of Art. 210.1 in the Criminal Law of Russia — taking the highest position in the criminal hierarchy. They analyze the legal construction of this offence which, in essence, is inchoate. The authors also assess the grounds for criminalizing the very fact of occupying the highest position in a criminal hierarchy. It is proven that this status of a crime boss emerges at an advanced stage of development of the organized group, so the form of crime organization could act as a criterion for the establishment of such a status. The authors also examine some problems of enforcing Art. 210.1 of the Criminal Code and offer different ways of solving them, namely, the aggregate of Part 4, Art. 210 and Art. 210.1 of the CC, and the and specific features of penalizing offenders persecuted under Art. 210.1 and Part 4, Art. 210 of the CC of the Russian Federation.

Современной особенностью преступности во всем мире становится ее организованность. В материалах последних конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями этой особенности уделялось серьезное внимание [1]. Так называемая глобализация существенно раздвинула территорию деятельности преступности, и ей стало тесно в национальных границах одного государства. Лидеры организованной преступности свободно перемещаются по миру, решая вопросы взаимодействия своих преступных сообществ далеко не всегда по месту их криминальной локации. Современные преступные группировки давно перестали быть похожими на банды уголовников, которые промышляли разбоями, вымогательством, заказными убийствами и для которых непосредственная связь главаря банды с ее членами обеспечивала эффективность криминальной деятельности. Сегодня такая связь перестала быть необходимой, и преступные сообщества отошли от типичной уголовной практики. Их основной деятельностью становится бизнес. В этой сфере деятельности преступник-одиночка обречен. Сам бизнес способствует организованности криминала, проникающего во многие сферы не только теневой, но и легальной экономики [2–5]. Предприятия, входящие в круг интересов преступных сообществ, и их менеджеры — экономисты, бухгалтеры, юристы — функционируют легально, и порой не только рядовые работники, но и руководящий состав не знает, что доходы от их деятельности являются преумноженными легализуемыми доходами от преступной деятельности и становятся криминальным капиталом.

Обретение капитала «на халяву», часто с криминальным душком, не было зазорным во многих странах в начале экономических реформ. Россия в этом смысле не стала исключением. В нашей стране источники образования капитала в этот период известны. К ним относятся накопления представителей теневой экономики советского периода (теневиков), средства от преступной деятельности, сосредоточенные в руках криминальных авторитетов (общаки), и, наконец, передача активов государственной собственности в собственность власть имущих посредством хитроумных экономических схем (власть обменивалась на деньги). Ваучеризация не только оказалась «справедливым» способом разгосударствления народной собственности, но и была задумана с целью обретения буду-

щими капитанами экономической революции первоначального капитала.

Роль уголовного права была сведена к контролю за соблюдением правил игры, о чем свидетельствует постсоветский Уголовный кодекс 1996 г. Превентивный потенциал его первой редакции оказался чрезмерно жестким. Началась его перманентная модернизация, посредством которой власть пыталась минимизировать вмешательство права в бизнес, что само по себе абсолютно правильно. Но вскоре стало понятно, что под лозунгом «Защитим бизнес от излишнего контроля» появились преференции для бизнесменов в плане ответственности за совершение правонарушений, они стали превращаться в привилегированный класс¹. Типичным примером является включение в УК РФ ст. 159.4, предусматривающей более мягкое наказание за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. На печальные результаты модернизации УК РФ указывают многие российские ученые. Так, Н.А. Лопашенко пишет: «Если посмотреть на ту редакцию УК, в которой он был принят, и ту, которая действует ныне, могу с уверенностью сказать: первое, первоначальный вариант УК был лучше, и, второе, тот, первый, вариант мог прекрасно справляться со всеми проблемами, опасностями, бедами, которые встречаются ныне» [7, с. 12].

Каким бы лояльным не становилось уголовное право в отношении бизнеса, государство остается привержено строгому подходу к преступности. Поэтому наряду с включением в текст Уголовного кодекса новых способов освобождения от уголовной ответственности и наказания за экономические преступления законодатель усиливает ответственность для лидеров бизнеса, которые втягивают в экономику откровенный криминал. Точнее, используют в сфере экономики законы преступного мира, и прежде всего физическое устранение конкуренции и коррупцию.

Исторические истоки коррупции можно увидеть во взяточничестве, но сегодня они лежат в принципе формирования капитала, подобно тому как за счет дани рядовых преступников происходило накопление общаковых средств преступных сообществ. Этот принцип прочно закрепился и в практике современной экономики, ибо предприниматели, следуя ему, стали делиться частью полученных доходов с

¹ Ранее этот аспект отмечал С.Ф. Милюков [6].

теми, кто их контролирует, будь то преступник, чиновник или представитель правоохранительных органов. Коррупция стала своеобразным теневым налогом в пользу власти (точнее, криминализованной власти), с которой бизнес должен делиться своей прибылью. Поэтому созрели объективные предпосылки для криминализации именно коррупции (наряду с получением взятки) как явления, выражающегося в совершенных с корыстной целью действиях представителей власти всех ее ветвей по оказанию поддержки физическим или юридическим лицам в монополизации экономической деятельности или по предоставлению им защиты при нарушении закона.

Но время, отпущенное для формирования класса буржуазии любой ценой, подходит к концу. Государство стало активизировать отрицательную реакцию на коррупционный механизм формирования и обращения капитала. Начались «посадки» чиновников и иных носителей политической и экономической власти, получающих незаконное обогащение. Объекты их недвижимости оказались под колпаком ФСБ. Можно было бы ожидать усиления наказания за коррупционное поведение тех, кто получает незаконное обогащение. Но в эпоху постмодерна классические формы уголовно-правового воздействия уступают место новым. Можно даже увидеть на примере некоторых новелл в уголовном законодательстве России свежий подход к пониманию основания уголовной ответственности, который вопреки положениям, закрепленным в ст. 8 УК РФ, исходит из того, что таким основанием является состав преступления, содержащий признаки, достаточные для наступления уголовной ответственности².

При постмодерне первична не традиция, а новация, часто неустойчивая. Она становится тенденцией и проявляется во всем: в экономике, политике, праве. Понимание постмодернистской неопределенности развивается в теории права. Так, И.Л. Честнов пишет: «Одним из проявлений постклассической картины мира является принцип неопределенности и, как следствие, ощущение перманентного риска, неуверенности в настоящем и тем более будущем... Неопреде-

² Дискуссия об основании уголовной ответственности в науке уголовного права имеет давнюю историю. Обосновывалась и позиция, согласно которой единственным и достаточным основанием уголовной ответственности является наличие в совершенном деянии состава преступления [8, с. 76].

ленность порождает признание многогранности, потенциально — неисчерпаемости любого социального явления и процесса как невозможности одного «единственно правильного» его описания и объяснения...» [9]. Можно сказать, что прагматизм приходит на место традиции.

С этих позиций и нужно оценивать новый состав преступления, предусмотренного в ст. 210.1 УК РФ (введена федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ), — присвоение высших полномочий в преступной иерархии. По мере того как непосредственное участие лидеров преступного сообщества в совершении конкретных преступлений перестает быть необходимым, они, чтобы сохранить свой статус, атрибутируют его формальными признаками статуса лица, занимающего высокое положение в преступной иерархии. Сам статус становится организующим фактором и приобретает общественную опасность. Эти лица и властвуют, и правят. Поэтому постановка вопроса об ответственности лица за занятие высшего положения в преступной иерархии заслуживает теоретического осмысления.

Итак, в ст. 210.1 УК сказано, что занятие высшего положения в преступной иерархии «наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет».

Из диспозиции этой статьи следует, что преступление состоит в занятии высшего положения в преступной иерархии. Состав данного преступления как совокупности составляющих его элементов базируется на характеристике личности субъекта преступления. Уголовное законодательство РФ не исключает возможности признания общественной опасности личности виновного в качестве признака состава преступления. Уже в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. в ч. 1 ст. 321 кодекса был предусмотрен такой признак состава, который выражался в статусе осужденного и который, безусловно, относится к характеристике личности преступника [10, с. 1020; 11, с. 203]. В дальнейшем законодатель последовательно расширял содержание субъекта преступления путем включения в состав некоторых общественно опасных характеристик его личности. Так, характеристика личности преступника в качестве признака субъекта преступления появилась в ст. 264 УК РФ (лицо, находящееся в состоянии опьянения), затем в

ст. 131, 132, 134 и 135 УК РФ (лицо, имеющее судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего) [12, с. 96].

Личность преступника появляется в составе преступления, если она определяет характер и степень общественной опасности предусмотренного в этом составе преступления [13]. Если исходить из криминологического учения о личности преступника, то характеристика субъекта преступления может обогащаться за счет признаков, которые относятся к мотиву преступления, криминальной активности в процессе совершения преступления, рецидиву преступления, социальным статусам личности, определяющим возможность совершения преступления [14, с. 33–34]. Следовательно, если статус преступника обладает общественной опасностью, он может быть основанием для криминализации приобретения такого статуса.

Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, обусловлена прежде всего и в основном повышенной степенью общественной опасности собственно занятия высшего положения в преступной иерархии, ибо такой статус, будучи характеристикой самого преступного сообщества, детерминирует совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Именно создание реальной возможности причинения большего вреда, определяемое повышенной общественной опасностью лидера преступного сообщества, и выступает основанием для уголовной ответственности за занятие такого положения. Также следует отметить, что общественная опасность деяния, предусмотренного в ст. 210.1 УК РФ, связана и с тем, что лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, в известной степени являются хранителями преступных традиций, благодаря им преступная деятельность получает устойчивость.

Для применения этой статьи требуется проанализировать следующие признаки: 1) что означает занятие высшего положения; 2) какое положение в преступной иерархии считается высшим. Требование определенности состава поддерживается позицией Европейского суда по правам человека, неоднократно указывавшего на необходимость формулирования правовых норм с достаточной степенью точности³.

³ Постановление Европейского суда по правам человека от 26 апреля 1979 г. URL: european-court.ru/uploads/ECHR_The_Sunday_Times_v_The_United_Kingdom_No_1 ; Дело «Коккинакис (Kokkinakis) против Греции» (жалоба № 14307/88) : постановление Европ. суда по правам человека от 25 мая 1993 г. URL: [Kokkinakis_v_Greece_25_05_1993.pdf](http://european-court.ru/uploads/ECHR_Soros_c.Franse_ECHR_172_2011) ; Постановление Европейского суда по правам человека от 6 октября 2011 г. URL: [european-court.ru/uploads/ECHR_Soros c.Franse ECHR 172 \(2011\)](http://european-court.ru/uploads/ECHR_Soros_c.Franse_ECHR_172_2011).

Представляется, что термин «занятие положения» нужно трактовать как характеристику деяния по смыслу наделения высшими полномочиями или их присвоения. Для того чтобы занять место в системе отношений, необходимо обладать социальным основанием, и таким основанием в нашем случае является статус. А статус формируется на основе деятельности, которая обращена в прошлое, это прошлые заслуги, это право быть авторитетом в силу накопленного опыта. В преступной среде прошлые заслуги и авторитет основаны на рецидиве. Иерархия здесь строится опять же по количеству рецидива. А поскольку преступный мир не выдает преступнику специальный ярлык на высшее положение, взамен ему он придумал ритуал, посредством которого рецидивист приобретает статус заслуженного вора или вора в законе. Этот статус становится признаком личности субъекта преступления. Высшее положение означает, что его носитель может отдавать приказы, но ему приказ никто не может отдать. Таким положением в криминальном мире обладает лицо, называемое воров в законе. П.А. Скобликов пишет: «Вор в законе — это особо опасный и авторитетный в своей среде профессиональный преступник, признанный лидер, активный идеолог криминального образа жизни и криминальной морали. Данный титул присваивается после специальной процедуры («крещения»), обязательным элементом которой является рекомендация нескольких уже признанных воров в законе. Это своеобразное личное «дворянство» в криминальной среде, которое несколько десятков лет воспроизводилось сначала в СССР, а затем на постсоветском пространстве» [15]. Преступный мир не считает данный статус пожизненным достоянием и при нарушении определенной процедуры может лишить рецидивиста этого статуса⁴. Таким образом, введение ответственности за лидерство в преступном сообществе стало последстви-

⁴ В СМИ приводится пример лишения лидера преступного сообщества статуса вора в законе. См.: «Воры в законе»: знаменитого Артема Липецкого в «Бутырке» лишили статуса. URL: <http://therussiantimes.com/news/105052.html>.

ем развития организованной преступности по смыслу усложнения ее структуры и направлено на ее предупреждение.

Появление в УК РФ ст. 210.1 является результатом эволюции организованной преступности, которая достигает высшей фазы своего развития. Лидер преступного сообщества по смыслу занятия высшего положения в преступной иерархии появляется не с момента зарождения организованной преступности, а в ее высшей фазе, т.е. в сложных типах (формах) организованной преступности. С этой позиции сама форма проявления организованной преступности свидетельствует о статусе лидера по смыслу занятия высшего положения в преступной иерархии.

Итак, введение ответственности за присвоение лицом высшего криминального статуса обусловлено фазой развития организованной преступности, которая, в свою очередь, может свидетельствовать о приобретении лицом такого статуса. Поэтому возникает задача рассмотреть развитие организованной преступности в контексте эволюции общественных изменений, чтобы конкретизировать такие фазы. В этой связи ученые отмечали, что концепция верховенства права и реализация принципа законности в обеспечении правопорядка проходят суровую проверку в рамках уголовного правосудия, так как, во-первых, последствия проявления произвола государственной власти здесь наиболее ощутимы ввиду строгости мер уголовного наказания и возможного нанесения ущерба репутации человека в результате уголовного судопроизводства; во-вторых, угроза совершения преступления и негодование в обществе побуждают должностных лиц идти на нарушение законности в ходе принятия мер по пресечению преступлений. В связи с этим возникают серьезные опасения, что механизм правосудия, претворяющий осуществление государственной власти как с демократическими, так и с тоталитарными принципами, может превратиться в совершенный инструмент подавления в политических, социальных, экономических и иных целях [1].

Данное положение также требует рассмотреть развитие организованной преступности в контексте эволюции ее отношений с государством. В принципе, такое развитие могут отразить два сценария. Согласно первому сценарию, продвижение государства в направлении демократии будет сопровождаться постепенным ослаблением его давления на преступность

(вследствие реализации идеологии компромисса) и приведет к подчинению государства организованной преступности. Организованная преступность станет играть решающую роль в управлении обществом, произойдет мафизация государства, и оно превратится в орудие организованной преступности.

Согласно второму сценарию, если будут доминировать тоталитарные принципы контроля государства над обществом и организованной преступностью, государство превратится в своеобразного монстра — полицейское (или так называемое криминальное) государство. Примерами в этом смысле являются государства в некоторых странах Азии и Европы XX в.

Притом что оба сценария неутешительны, стратегия социального контроля над преступностью останется как потребность в самосохранении. С ее помощью государство будет стремиться не допустить формирования такого типа личности, как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, или наказывать за это.

Как известно, реакция государства на преступность зависит и от понимания им того, что собой представляет преступность и преступление. В этой связи можно отметить реакции, представленные двумя полярными точками зрения. Первая — преступление совершает человек,отягощенный преступными наклонностями (антропо-биологическими, генетическими, психическими — концепции чуждой природы), и здесь требуется жесткое наказание. Вторая — преступление всего лишь отклоняющееся поведение лица, обусловленное воздействием неблагоприятной среды (концепции естественного приобретения). Во втором случае отрицается существование каких-либо особо криминальных признаков у преступника. В соответствии с данным подходом человек *volens nolens* лишь избирает криминальный путь, посредством которого достигает своих целей в той форме, которая ему доступна. Такой подход вытекает из концепции «преступность — нормальное социальное явление» (Э. Дюркгейм). Согласно ей, преступление есть нормальная реакция человека на ненормальные условия существования. Поэтому каждый человек «преступен» хотя бы потому, что один раз в жизни совершил преступление. Так, немецкий криминолог Ф. Зак приводит данные о том, что практически каждый человек (до 90 % населения законопослушной Германии) как минимум раз в своей жизни нарушает уголовный закон [16, S. 469; 17, с. 55]. В рамках такого под-

хода трудно ожидать криминализации занятия высшего положения в преступной иерархии, ибо законодатель склоняется к компромиссу с преступностью и надеется на альтернативы уголовно-правовому воздействию.

Но и в первом случае реакция государства на преступность при постмодернистском подходе стремится уравновесить отношения между государством и преступником, создавая иллюзию, что в будущем преступник будет сам определять для себя пределы наказания.

Порой кажется, что модерн почти исчерпал себя. Он последовательно проявлялся на всех этапах развития государства. На смену рациональному наказанию для преступников в Древнем Риме пришло устрашающее наказание средневековой Европы. Сегодня законодатели разных государств стремятся найти баланс между первым и вторым подходами, отклоняясь то в ту, то в другую сторону, и поскольку находятся под влиянием идеи кризиса наказания, порой волюнтаристски определяют его пределы. Впервые о кризисе наказания было заявлено в 1884 г. итальянским юристом Рафаэлем Гарофало; в наше время эту идею поддержали Н. Кристи, М.Д. Шаргородский [18; 19] и другие ученые. Но логически полная реализация постмодернистского подхода самоубийственна как для социума, так и для личности.

Рассуждая о постмодерне в уголовном праве, нужно для начала понять, в силу каких факторов люди предпочитают не совершать преступления, т.е. найти опору для поворота отношений между обществом и преступностью от войны к компромиссу, построенному на принципе минимально допустимого вреда.

Такой поворот предполагает сужение поля взаимодействия между властью и личностью и отказ от лозунга борьбы с преступностью любой ценой. Речь, таким образом, идет о компромиссе, в результате которого «криминальное поле социума формируется между двумя полюсами: биологическими задатками человека и политикой (точнее, неадекватной политикой)» [20]. Власть не должна уподоблять преступность социальным эксcrementам. Преступность — это не отходы общественной жизнедеятельности, а сама жизнедеятельность, само общество, точнее, одно из его качественных состояний или составляющих. Если человек по природе своей противоречив и обречен не только нести в себе и сеять вокруг себя разумные и добрые начала, но и творить зло [21, с. 323], то люди, объеди-

нившись в общество, делают таким же противоречивым и собственное общежитие. Необходимость терпеть друг друга и ощущать потребность друг в друге склоняет их к компромиссу. Компромисс между обществом и преступностью (между властью и личностью) представляет собой проблему сложных отношений, в которых, с одной стороны, необходимо уравновесить социальную целесообразность и безграничную индивидуальность выбора, с другой — найти баланс между законодательно закрепленными правами и минимально допустимым причинением вреда в результате их нарушения.

Возвратимся опять к вопросу развития преступности в контексте эволюции ее отношений с государством. Организованная преступность проникает во власть, в ее структуры, всерьез заявляя о своих претензиях контролировать государственную власть. Она создает параллельные официальным властным структурам нелегальные структуры или же заменяет их. Лидеры организованной преступности стремятся насаждать идеологию преступного мира. Механизм экспансии преступной субкультуры строится не только на основе проникновения в государственный аппарат, но и с помощью средств массовой информации, «заражая» общество преступными обычаями и традициями. Культивирование мафиозных и коррумпированных отношений, насилия и жестокости в экономической и бытовой сфере является элементом стратегии элиты организованной преступности, которая делает образ мафии привычным атрибутом общества. И если официальная власть становится циничной, коррумпированной, готовой к перевоплощению, то тогда лидеры организованной преступности формируют профиль легитимной власти и общества в целом.

Ранее было отмечено, что статус лидера преступного сообщества зависит от фазы развития организованной преступности, ее формы. Этот вопрос поднимался в работах российских криминологов [22; 23]. Полагаем, что опознавательные признаки лидера зависят от типа преступного сообщества (его конфигурации). Поэтому важно практически показать, как конституируется статус личности организованного преступника, включая статус лидера, с позиции масштабов деятельности преступной группировки.

С учетом статуса и криминальной структуры организованные преступные группировки (ОПГ) можно подразделить следующим образом.

Первая конфигурация — *унитарная ОПГ*. Она характеризуется тем, что каждый член преступной группировки установил связь со всеми другими ее членами. Подобная система связей характерна для малочисленных ОПГ, участники которых, как правило, интенсивно взаимодействуют между собой в силу небольшой прибыльности криминального бизнеса и сформировавшейся устойчивой криминальной профессионализации. В таких группировках может отсутствовать ярко выраженный лидер, функции которого выполняет коллективистское начало. Несмотря на это, указанные группировки могут функционировать длительное время даже при изоляции отдельных ее участников (например, в случае привлечения к уголовной ответственности), потому что коммуникативные связи в них не разрушаются.

Вторая конфигурация — *федеративная ОПГ*. Она представляет собой систему централизованного взаимодействия, в которой информационные и деловые процессы замыкаются на лидере, образующем самостоятельную управленческую подструктуру. Криминологические особенности личности членов исполнительского и управленческого уровней (каждый в отдельности немногочисленный) имеют четко выраженный характер, так как при совершении конкретных преступлений, как правило, отсутствует соисполнительство. Изоляция отдельных участников преступной группировки не приводит к ее разложению. Для этого необходима изоляция лидера, являющегося источником криминальной активности ОПГ.

Третья конфигурация — *конфедеративная ОПГ*. В структурном плане она представляет собой децентрализованную систему криминальных коммуникаций. Информация в такой группировке идет от ведущего лидера к второстепенным руководителям входящих в нее элементарных организованных групп. Деятельность такой группировки легально-криминальная. При этом легальный вектор реализуется в предпринимательстве либо занятии должности в государственной организации, криминальный же выполняет функцию обеспечения, поддержки и защиты. Нейтрализация правоохранительными органами отдельных элементарных организованных групп не разрушает преступную группировку, равно как изоляция центрального лидера также не ведет к ее разложению. Здесь действует принцип: «Король умер. Да здравствует король!» С этой формы начинается история преступного сообщества.

Четвертая конфигурация — *авторитарно-унитарная ОПГ*. Она представляет собой разновидность централизованной группировки, коммуникативные процессы в которой замыкаются на формальном лидере. Последний осуществляет руководство, используя внешнее воздействие через одного из членов группировки, опираясь на ресурс внутренней криминальной самоорганизации. Формальный лидер, как правило, занят легальной деятельностью (бизнес, госслужба и т.п.), но жестко контролирует деятельность группировки путем планирования преступных акций, распределения добытого преступным путем, защиты от разоблачения. Нейтрализация лидера обычно ведет к распаду группировки, по крайней мере до тех пор, пока его роль не начнет играть другой авторитетный преступник.

Пятая конфигурация — *тоталитарно-федеративная ОПГ*. Характеризуется децентрализованной системой коммуникативных связей между преступниками и централизованным взаимодействием между элементарными организованными группами. Участники групп между собой не связаны, выходят непосредственно на одного члена группировки (посредника), через которого лидер осуществляет руководство ОПГ в целом. При изоляции лидера его функции может перенять посредник.

Шестая конфигурация — *криминальный клуб*. Представляет собой союз организованных преступных группировок, каждая из которых имеет своего формального лидера и свою структуру коммуникативных связей (например, сходка сообщества воров в законе).

Полагаем, что начиная с третьей конфигурации ОПГ ее лидер обладает теми полномочиями, которые позволяют отнести его к лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии.

В соответствии со структурой ОПГ можно представить и типологию личности организованного преступника. В научной литературе этот вопрос обсуждался скорее на уровне построения отдельных классификаций организованных преступников [24, с. 438; 25, с. 15–26]. Они подразделялись следующим образом: по характеру выполняемых функций — на руководителей и рядовых исполнителей; по уровню управленческих функций — на законников, авторитетов и т.д.; по криминально-профессиональной роли — на быков, связников, кассиров и т.п. В зарубежной криминологии отмечено

несколько ценных наблюдений в отношении специфики типа организованного преступника. Так, Г.И. Шнайдер отмечал, что организованным преступником называется тот, кто получает это определение от лиц его социального окружения и от участников организованной группы преступников. Мафиози не тот, кто таковым себя ощущает, а тот, кого рассматривают в таком качестве другие. Они представляют собой своеобразную аристократию преступного мира, так как это преступники, действующие за спинами других [24, с. 51, 157]. В работах зарубежных криминологов высказывалась и другая позиция, суть которой в том, что организованные преступники представляют собой вид преступников-профессионалов. Одни из них непосредственно участвуют в противоправных действиях, другие, оставаясь в тени, обеспечивают непосредственным участникам всевозможные услуги и гарантируют им долю от выручки. Последний тип — это закулисные предприниматели, умеющие оценивать риск раскрытия их преступлений уголовной полицией и постоянно нуждающиеся в советниках, охранниках, плановиках, которые облегчают им совершение преступления [26; 27].

С учетом конфигурации ОПГ и функций руководителя в них можно предложить следующую типологию:

1. *Руководитель ОПГ, криминально-профессиональный тип.* Социально-нравственные качества личности деформированы и образуют стойкую негативную направленность. Отличается правовым нигилизмом, наличием в сознании стойких стереотипов криминального поведения. Рецидивист со стажем. Непреклонный фанатик и идеолог преступной субкультуры, которая, по его мнению, является приемлемой для общества в целом. Лидерские качества явно выражены. Средний возраст — 35–40 лет; ранее судим; холост; образование среднее. Руководитель ОПГ начиная с третьей конфигурации будет обладать статусом *лидера, занимающего высшее положение в преступной иерархии.*

2. *Активный член ОПГ.* Его характеристика в основном совпадает с первым типом за некоторым исключением. Так, у него отсутствуют явно выраженные качества лидера, он относится к двум возрастным группам — 18–25 и 35–45 лет, криминальная мотивация исключительно насильственно-корыстная. Рецидивист. Выступает в роли исполнителя с функциями руководителя совершаемых группировкой преступлений либо в качестве руководителя ОПГ первой и второй

конфигурации. Резерв лидера, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

3. *Член ОПГ с функцией обеспечения безопасности и поддержки с использованием коррупции.* Занимает государственную должность в органах власти, управления или правоохранительных органах и одновременно является членом преступной группировки. Характеризуется значительной деформацией в структуре социальной направленности, позитивный компонент слабо выражен, нравственно-психологические качества неустойчивы и противоречивы. Отличается искаженным правосознанием, отсутствием четких границ между моральным и аморальным. Средний возраст — 40 лет и старше; как правило, образование высшее; не судим; женат.

4. *Рядовой член ОПГ.* К этому типу относятся лица, которые совершают преступления (уголовники), а также лица, контролирующие хозяйственные организации или работающие в них, осваивающие или преумножающие доходы от преступной деятельности (руководители среднего звена, бухгалтеры, юристы). Нравственно-психологические качества устойчиво отрицательные. Средний возраст — 21–30 лет, как правило, имеет первичную судимость.

При анализе сценариев развития организованной преступности обсуждается вопрос о возможности консолидации организованной преступности в одно национальное преступное сообщество и появления на сцене фигуры лидера, занимающего высшее положение в нем («вор всея Руси»). Такая перспектива не кажется несбыточной, поскольку процесс сращивания организованной преступности с легальной экономикой не прекращается. Продолжается проникновение преступных группировок во властные структуры с целью не только контролировать развитие экономики и политики в стране и отдельных регионах, но и влиять на него в своих интересах. Примерами такого проникновения во власть являются факты проведения «своих» депутатов в законодательные органы страны и отдельных регионов и устранения их в случае выхода из-под контроля (с помощью убийства). По мере укрепления экономических и политических позиций организованной преступности специфика личности организованного преступника постепенно утрачивает свою криминальную очевидность. Произойдет ли полная монополизация каким-либо одним преступным сообществом криминальной сферы в

масштабах страны? Применительно к России подобная возможность отрицается [15]. Таким образом, сказанное выше позволяет утверждать, что уголовное право обоснованно ставит вне закона фигуру лидера, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Включение в УК РФ ст. 210.1 и одновременное изменение ст. 210 порождают новые проблемы квалификации преступлений, совершенных лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. При этом никуда не делись и старые проблемы применения ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Во-первых, правоприменительная практика испытывает серьезные сложности при отнесении виновных к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Со времени включения в УК РФ ч. 4 ст. 210 (2009 г.) по ней вынесен и вступил в силу только один приговор. В нескольких случаях суды не усматривали состава указанного преступления в связи с тем, что не удавалось установить признаки принадлежности виновных к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Понятие, использованное законодателем, не имеет четких очертаний. Нет устоявшихся подходов к определению данного понятия и в доктрине уголовного права [28; 29]. Не сформулировал критерии высшего положения в преступной иерархии и Верховный Суд РФ. Так, в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» от 10 июня 2010 г. № 12 говорится лишь о том, что, решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию преступного сообщества (преступной организации) или по руководству им, либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие

коррупционных связей и т.п. Отсюда и нерешительность судов в установлении высшего положения в преступной иерархии. Более конкретен в этом плане грузинский законодатель, который в ч. 2 ст. 223.1 УК Грузии предусмотрел ответственность за пребывание лица в положении вора в законе и явным образом обозначил, в отношении кого из криминальных лидеров уголовный закон будет предусматривать особые меры ответственности. Может быть, по этому пути, по крайней мере в ближайшей перспективе, пойти и российскому законодателю? Хотя данное предложение будет подвергнуто критике, поскольку предполагает включение в текст УК РФ криминального сленга. В любом случае Верховному Суду РФ целесообразно сформулировать критерии, по наличию которых лидеров организованной преступности следует относить к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Во-вторых, требует разъяснений понятие «занятие положения», использованное в ст. 210.1 УК РФ. Исходя из ст. 14 УК РФ это понятие необходимо трактовать не только как наличие определенного статуса в преступной иерархии, но и как определенную разновидность общественно опасного поведения. По-видимому, речь может идти об управлении преступной деятельностью, о контроле над ней, о выполнении квазисудебных функций внутри преступного сообщества и др. Также лицо может быть признано занимающим высшее положение в преступной иерархии в смысле ст. 210.1 УК РФ, если оно, обладая соответствующим статусом, имеет реальную возможность влиять на принятие управленческих решений в преступном сообществе. Другими словами, занятие высшего положения в преступной иерархии — это не всегда активная деятельность. Для наличия состава данного преступления достаточно только реальной возможности управления преступной деятельностью. В силу этого в предмет доказывания будет входить особый статус в преступной иерархии и наличие реальной возможности благодаря этому статусу влиять на организованную преступную деятельность. В ст. 210.1 УК РФ предусмотрена особая разновидность усеченного состава. Момент окончания преступления для лиц, которые вступают в ряды занимающих высшее положение в преступной иерархии, будет увязан, как правило, с приобретением виновным соответствующего статуса. В идеале надо еще установить возникновение реальной воз-

возможности осуществления статусных функций. Для лиц, которые уже занимают высшее положение в преступной иерархии и не отказываются от своего статуса, преступление будет признаваться оконченным в момент вступления в силу ст. 210.1 УК РФ.

В-третьих, включение в УК РФ ст. 210.1 требует дать ответ на вопрос о допустимости совокупности преступлений, предусмотренных ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ. В ч. 4 ст. 210 кодекса предусмотрена ответственность для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, если они принимали участие в создании преступного сообщества (преступной организации), либо руководстве преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, либо координации действий организованных групп, созданию устойчивых связей между ними, разработке планов и создании условий для совершения преступлений организованными группами, разделе сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами, а также в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп. Буквальное следование тексту закона позволяет сделать вывод, что занятие высшего положения в преступной иерархии является одним из признаков состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ. В силу этого при ее вменении, на первый взгляд, не требуется дополнительная квалификация по ст. 210.1 УК РФ. Однако занятие высшего положения в преступной иерархии — это длящееся преступление, на фоне которого и благодаря которому совершаются иные преступления. В связи с этим предпочтителен иной логический подход к уголовно-правовой оценке поведения лиц, занимающих высшее положение в преступной

иерархии. Если лицо обладает статусом, имеет возможность совершать действия, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 210 УК РФ, но не совершает их, то содеянное квалифицируется только по ст. 210.1 УК.

Если же лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, совершает действия, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 210 УК РФ, то содеянное им подлежит оценке по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Здесь работает логика квалификации преступлений, когда одно из них является фоном для совершения другого. Однако такая квалификация, естественно, нарушит принцип справедливости (никто не может нести ответственность дважды за одно и то же преступление). Да и с позиции перерастания менее тяжкого преступления в более тяжкое (санкция ст. 210.1 УК РФ — от 8 до 15 лет лишения свободы, а санкция ч. 4 ст. 210 УК РФ — от 15 до 20 лет или пожизненное лишение свободы) квалификация должна осуществляться по более тяжкому из преступлений. Оба варианта квалификации не являются идеальными, поэтому выбор нужно остановить на наименее спорном.

Отдельно требуется сказать о проблеме исполнения наказания в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ. В уголовно-исполнительном законодательстве целесообразно предусмотреть специальные меры (помимо предусмотренных в ст. 73 УИК РФ, где идет речь об определении разным категориям осужденных места отбывания лишения свободы), которые смогут ограничить возможность осужденных за указанные преступления использовать свой статус в местах лишения свободы. В противном случае эти осужденные, если они сохраняют свой статус, опять будут привлекаться к ответственности как минимум по ст. 210.1 УК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лунеев В.В. Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов / В.В. Лунеев // Государство и право. — 2000. — № 9. — С. 95–100.
2. Sokolov V. From Guns to Briefcases: The Evolution of Russian Organized Crime / V. Sokolov // World Policy Journal. — 2004. — Vol. 21, № 1. — P. 68–74.
3. Organized Crime and the Financial Crisis Recent Trends in the Baltic Sea Region / ed. W. Kegö, E. Leijonmarck, A. Molcean. — Stockholm-Nacka : Institute for Security and Development Policy, 2011. — 153 p.
4. Bjelopera J.P. Organized Crime: An Evolving Challenge for U.S. Law Enforcement [Electronic resource] / J.P. Bjelopera, K.M. Finklea. — Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41547.pdf>.
5. Gilinskiy Y. Organized Crime in Contemporary Russia / Y. Gilinskiy // Current Problems of the Penal Law and Criminology / ed. E.W. Plywaczewski. — Warszawa : Wolters Kluwer business, 2012. — P. 167–181.
6. Милюков С.Ф. Усиление сословного (классового) начала в современной уголовно-правовой политике / С.Ф. Милюков // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 мая 2011 г. — СПб., 2011. — С. 81–87.

7. Лопашенко Н.А. Уголовно-правовое воздействие в современной России: цифры, факты, парадоксы и иллюстрации / Н.А. Лопашенко // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 29–30 марта 2018 г. — Саратов, 2018. — С. 9–28.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. — М. : Юрист, 1996. — 509 с.
9. Честнов И.Л. Правовая политика в постклассическом измерении / И.Л. Честнов // Российский журнал правовых исследований. — 2015. — № 2 (3). — С. 33–44.
10. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В.М. Лебедева. — М. : Городец, 2009. — 1167 с.
11. Павлов В.Г. Субъект преступления / В.Г. Павлов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. — 318 с.
12. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии) : сб. законодат. материалов / под ред. И.Д. Козочкина. — М. : Зерцало, 1999. — 346 с.
13. Стандарт доказывания состояния опьянения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения: реалии и перспективы / В.Ф. Щепельков [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2019. — Т. 10, № 2. — С. 373–389.
14. Бурлаков В.Н. Уголовное право и личность преступника / В.Н. Бурлаков. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — 240 с.
15. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение / П.А. Скобликов // Законодательство. — 2018. — № 2. — С. 43–49.
16. Sack F.S. Neue Perspektiven in der Kriminologie / F.S. Sack // Kriminal-soziologie / Hrsg. F. Sack, R. König. — Wiesbaden, 1968.
17. Криминология: XX век / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. — 554 с.
18. Кристи Н. Пределы наказания / Н. Кристи. — М. : Прогресс, 1985. — 176 с.
19. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородский. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — 160 с.
20. Иншаков С.М. Криминология / С.М. Иншаков. — М. : Юриспруденция, 2000. — 432 с.
21. Гаджиев К.С. Политическая философия / К.С. Гаджиев. — М. : Экономика, 1999. — 605 с.
22. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность / Р.Ф. Исмагилов. — СПб., 1997. — 114 с.
23. Разинкин Б.С. «Воры в законе» и преступные кланы / Б.С. Разинкин. — М., 1995. — 104 с.
24. Шнайдер Г.Й. Криминология / Г.Й. Шнайдер ; пер. с нем. Ю.А. Неподаева. — М. : Прогресс, 1994. — 502 с.
25. Кабанов П.А. Криминологическая характеристика личности политического преступника / П.А. Кабанов. — Нижнекамск, 2000. — 32 с.
26. Mack J. The Crime Industry / J. Mack. — Farnborough, 1975. — 209 p.
27. Kerner H.J. Professionelles und Organisiertes Verbrechen / H.J. Kerner. — Wiesbaden, 1973.
28. Рагулин А.В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии / А.В. Рагулин, В.В. Фефелов // Уголовное право. — 2010. — № 5. — С. 67–70.
29. Валикарамов Д.Д. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: вопросы толкования и проблемы применения ч. 4 ст. 210 УК РФ / Д.Д. Валикарамов, Е.А. Коновалова // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 5 (108). — С. 204–205.

REFERENCES

1. Luneev V.V. Tenth United Nations Congress on Prevention of Crime and Treatment of Offenders, its place in the history of congresses. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2000, no. 9, pp. 95–100. (In Russian).
2. Sokolov V. From Guns to Briefcases: The Evolution of Russian Organized Crime. *World Policy Journal*, 2004, vol. 21, no. 1, pp. 68–74.
3. Kegö W., Leijonmarck E., Molcean A. (eds.). *Organized Crime and the Financial Crisis Recent Trends in the Baltic Sea Region*. Stockholm-Nacka, Institute for Security and Development Policy, 2011. 153 p.
4. Bjelopera J.P., Finklea K.M. *Organized Crime: An Evolving Challenge for U.S. Law Enforcement*. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41547.pdf>.
5. Gilinskiy Y. Organized Crime in Contemporary Russia. In Plywaczewski E.W. (ed.). *Current Problems of the Penal Law and Criminology*. Warszawa, Wolters Kluwer business, 2012, pp. 167–181.
6. Milyukov S.F. Strengthening of the class basis in contemporary criminal law policy. *Sovershenstvovanie ugovornogo zakonodatel'stva v sovremennykh usloviyakh. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saint Petersburg, 23–24 maya 2011 g.* [Improving Criminal Legislation in Contemporary Conditions. Materials of International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, May 23–24, 2011]. Saint Petersburg, 2011, pp. 81–87. (In Russian).
7. Lopashenko N.A. Criminal law impact in Russia today: figures, facts, paradoxes and illustrations. *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti (III Saratovskie ugovorno-pravovye chteniya). Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Saratov, 29–30 marta 2018 g.* [Criminal Law Impact and its Role in Crime Prevention (III Saratov Criminal Law Readings). Materials of All-Russian Research Conference, Saratov, March 29–30, 2018]. Saratov, 2018, pp. 9–28. (In Russian).
8. Zdravomyslov B.V. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [The Criminal Law of the Russian Federation. The General Part]. Moscow, Yurist' Publ., 1996. 509 p.
9. Chestnov I.L. Legal policy in the post-classical measurement. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*, 2015, no. 2 (3), pp. 33–44. (In Russian).
10. Lebedev V.M. (ed.). *Osobennaya chast' Ugovornogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: kommentarii, sudebnaya praktika, statistika* [Special part of the Criminal Code of the Russian Federation: comments, court practice, statistics]. Moscow, Gorodets Publ., 2009. 1167 p.

11. Pavlov V.G. *Sub'ekt prestupleniya* [The Subject of Crime]. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentri Press Publ., 2001. 318 p.
12. Kozochkin I.D. (ed.). *Ugolovnoe zakonodatel'stvo zarubezhnykh stran (Anglii, SShA, Frantsii, Germanii, Yaponii)* [Criminal Law of Foreign Countries (the UK, the USA, France, Germany, Japan)]. Moscow, Zertsalo Publ., 1999. 346 p.
13. Shchepelkov V.F., Burlakov V.N., Stoiko N.G., Sidorova N.A. The standard for proving the condition of intoxication in the criminal cases of traffic violations: real situation and prospects. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 373–389. (In Russian).
14. Burlakov V.N. *Ugolovnoe pravo i lichnost' prestupnika* [Criminal Law and the Personality of a Criminal]. Saint Petersburg State University Publ., 2006. 240 p.
15. Skoblikov P.A. Leader of Criminal Hierarchy: Criminal Law, its Interpretation and Application. *Zakonodatelstvo = Legislation*, 2018, no. 2, pp. 43–49. (In Russian).
16. Sack F.S. Neue Perspektiven in der Kriminologie. In Sack F., König R. (Hrsg.). *Kriminal-soziologie*. Wiesbaden, 1968.
17. Burlakov V.N., Sal'nikov V.P. (eds.). *Kriminologiya: XX vek* [Criminology: XX Century]. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentri Press Publ., 2000. 554 p.
18. Christie N. *Limits to Pain*. Oslo, 1981. (Russ. ed.: Christie N. *Predely nakazaniya*. Moscow, Progress Publ., 1985. 176 p.).
19. Shargorodskii M.D. *Nakazanie, ego tseli i effektivnost'* [Punishment, its purpose and effectiveness]. Leningrad State University Publ., 1973. 160 p.
20. Inshakov S.M. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2000. 432 p.
21. Gadzhiev K.S. *Politicheskaya filosofiya* [Political Philosophy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1999. 605 p.
22. Ismagilov R.F. *Ekonomika i organizovannaya prestupnost'* [Economy and Organized Crime]. Saint Petersburg, 1997. 114 p.
23. Razinkin B.S. «Vory v zakone» i prestupnye klany [«Thieves in law» and criminal clans]. Moscow, 1995. 104 p.
24. Schneider H.J. *Kriminologie*. Berlin, New York, 1987. (Russ. ed.: Schneider H.J. *Kriminologiya*. Moscow, Progress Publ., 1994. 502 p.).
25. Kabanov P.A. *Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti politicheskogo prestupnika* [Criminalistic characteristics of the political criminal's personality]. Nizhnekamsk, 2000. 32 p.
26. Mack J. *The Crime Industry*. Farnborough, 1975. 209 p.
27. Kerner H.J. *Professionelles und Organisiertes Verbrechen*. Wiesbaden, 1973.
28. Ragulin A.V., Fefelov V.V. The Definition of «Person Holding the Highest Position in the Criminal Hierarchy». *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 5, pp. 67–70. (In Russian).
29. Valikaramov D.D., Konovalova E.A. A Person Who Working Higher Position in the Criminal Hierarchy: Interpretation Issues and Problems of Application of P. 4 Art. 210 of the Criminal Code. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2017, no. 5 (108), pp. 204–205. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурлаков Владимир Николаевич — профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.burlakov@spbu.ru.

Щепельков Владислав Федорович — профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: volga0@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бурлаков В.Н. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве / В.Н. Бурлаков, В.Ф. Щепельков // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 465–476. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).465-476.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Burlakov, Vladimir N. — Professor, Chair of Criminal Law, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: v.burlakov@spbu.ru.

Shchepelkov, Vladislav F. — Professor, Chair of Criminal Law, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: volga0@yandex.ru.

FOR CITATION

Burlakov V.N., Shchepelkov V.F. Crime boss and the grounds for liability: postmodernism in criminal law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 465–476. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).465-476. (In Russian).